

Сергей Лайтман

Яма Шаготов

Сергей Лайтман Яма Шаготов

<https://litres.ru/74122863>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главный герой возвращается в городок, где он рос и покупает новый дом. Случайная встреча с хозяйкой его бывшего дома заставляет его посетить родительский дом, и обнаруживает, что его воспоминания о детстве не достоверны. К тому же странные разговоры детей нынешней хозяйки дома, говорят о том, что под домом живут какие-то существа, что забрали их отца. События складываются так, что герой находит то место, где обитают эти твари, и там же находится пропавший отец этих детей. Но есть в нем нечто такое, что пугает главного героя, и не смотря на это, он вынужден объединиться с ним, для того что бы выбраться из той ловушке, в которой они оба оказались заперты.

Содержание

Вступление	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Лайтман

Яма Шаготов

Вступление

Где-то на окраинах мира, произошла эта история, которая изменила жизнь Джеймса, раз и навсегда. Джеймс с детства любил лепить из глины и пластилина, и очень хотел стать скульптором или декоратором величественных зданий, что бы на каждом из его творений люди останавливали взгляд, и восхищенно восклицали : "это работа того самого Джеймса? Невероятно!" Конечно, маленький ребенок не мог знать таких слов, но в его голове часто рождались такие фантазии, куда он успешно вставлял слова взрослых, что слышал ранее. Мать Джеймса - Мойра -, была злой и склочной тёткой, которая часто бранила и била своего сына за все, когда была подвыпившей, а выпивала она, к слову, так же часто, как англичане пьют чай. Возможно, именно из-за этого Джеймс рос трусливым, и забитым, и не решался осуществлять свои мечты, коих у творческого мальчика было много.

Рос Джеймс один, с матерью; их дом стоял на окраине богом забытой деревушки, и граничил с заросшим лесом, в котором мальчик часто бродил и играл. Мойра родила маль-

чика довольно в позднем возрасте, когда женщина стала понимать, что если сейчас она не родит, то не родит уже никогда. Кто был отцом мальчика, Мойра не говорила, может быть потому что сама не знала, а может это не имело значения. Дом семейства был заурядным каркасным строением, который достался Мойре от отца, и ее радовало, что хоть за дом у нее нету долгов. А долгов было не то что бы много, но жить расправив плечи не получалось. Мойра не чуралась ни какой работы, и работала везде, но в основном это была сфера обслуживания в заведениях уровня ниже среднего. Отношения с мужчинами у нее не складывались, Мойра хотела выйти замуж только за того мужчину, который сможет быть для нее опорой, но возле Мойры всегда были мужчины не того полета, и она не решилась ни с кем из них связать свою жизнь. Видно из-за этого ее характер стал не выносим даже для близких; отец Мойры, был человеком гордым, и ценил свой статус - лучший каменщик во всем округе, и каждый человек, желающий построить свой дом, либо украсить свой сад, знал Гарольда Смита, и не торговался с этим человеком за цену его услуг, каждый знал ,что этот человек мастер с большой буквы. Гарольд часто говорил Мойре, что за ее склочный характер и язык без костей, ее когда нибудь, непременно пристрелят.

Умер отец от сердечного приступа в возрасте, когда жизнь мужчины ещё полна красок и стремлений, и Мойра, потеряв контроль над собой, стала выпить, оправдывая это го-

рем. Но дни шли, а Мойра не меняла свой образ жизни. Юный Джеймс расстраивался от такого положения дел, но ни чего не мог исправить,. Будучи предоставлен самому себе, Джеймс постигал искусство лепки из глины, и был счастлив, но по своему. За домом Смитов, были разные строения - будка, для хранения садового инвентаря, сарай с ручными и электроинструментами, где Гарольд часто что-то мастерил, так же на заднем дворе был спуск в подвал, но Джеймс не любил туда спускаться, считая, что там слишком жутко.

Так же, на заднем дворе, было много свободного места - в основном из за того, что территория была крайней в деревушке, и Гарольд Смит , по своему усмотрению, увеличил площадь заднего двора на несколько метров, и хоть это и было не законно, и та земля не принадлежала семейству Смитов, проблем из-за этого у них не было. Конечно, ведь разве кто-то может захотеть построить дом по соседству с ними, со стороны болотистого леса?

Джеймс часто копошился в инструментах деда, и пытался что-то мастерить, но Мойра не разрешала ребенку трогать инструменты. "Это память об отце, и ты слишком мал, что бы работать его инструментами. Лучше лепи из своей глины," - говорила она, и Джеймс лепил. С большим трудом, потратив кучу сил и нервов, проливая слезы от отчаяния, одиннадцатилетний Джеймс сумел-таки построить в сарае гончарное колесо, используя, в тайне от матери, инструменты деда, и сделал свой первый кувшин. С кувшина-то все и на-

чалось.

На самом деле, Джеймс помнил свое детство и юношество крайне смутно, почти туманно, словно это была история рассказанная кем-то, а не его собственная жизнь. Воспоминания его начинались с учебы в колледже, будто бы именно тогда он и родился, и только с этого момента он точно помнил всю свою жизнь и все свои поступки, а детство стало размытым пятном на холсте художника, смешавшего кучу красок.

Даже то самое гончарное колесо, которое он смастерил, казалось ему снов или даже фантазией - разве мог мальчуган собрать гончарный круг из фанеры и старого велосипеда? Джеймс даже пытался рисовать это приспособление - карандаш упрямо не хотел выдавать ни чего похожего, из того, что он видел перед глазами. А куча кувшинов -десяток минимум, - как он их делал? Где брал глину? Как обжигал? И зачем он закопал их под дубом, что рос на той земле еще за сотню лет до того, как Гарольд построил здесь дом... Джеймс лишь вздыхал, тяжело и безнадежно, силясь убедить себя в том, что так и было.

А жизнь его - вся, по-сути - была серым пятном; ни отношений с девушкой, ни толковых друзей, ни посиделок, ни попок, ни чего... Джеймс словно был на авто-пилоте, будто-бы жил, ожидая момента, когда его жизнь измениться сама по себе. Был ли Джеймс замкнут? Был. Но от чего, он сам не понимал, потому что жаждал обратного - ярких отношений, и веселья с друзьями, и пьянок до беспамятства...

Жаждал, но ни чего не делал, сидел целыми днями в комнате студенческого общежития, рисовал, бывало, лепил, бывало, но вот жить... Этого он не умел.

И когда учеба кончилась, ему ни чего не оставалось, как вернуться на свою малую родину, и продолжить жить, волоча существование обычного офисного клерка. Дом его был давно продан, матери не было на этом свете, и Джеймс просто купил новый дом, заработав деньги на одном единственном крупном проекте, с которым довелось поработать. Дом был совершенно обычный - двухэтажный, с несколькими спальнями, подвалом и гаражом. Словом, дом для семьи, которая когда-нибудь все-таки у него будет, как и представлял себе Джеймс: пара ребятишек, постоянно кричащих то от радости то от боли, красивая длинноногая жена... Ну, а пока он жил один.

Ему стукнуло уже 26, когда началась та самая странная и пугающая история. Воскресным вечером, Джеймс разгуливал по гипермаркету, и закупался продуктами на неделю. Как обычно, в корзине оказалось несколько стяжек пива, толстые пачки бекона, хлопья, молоко, колбаски для жарки на гриле, и прочее, что Джеймс кидал почти не глядя. Это доставляло ему радость - не смотреть на ценник, брать все, что угодно душе. Он даже кинул в корзину пару пачек мармеладных червей, не потому что хотел их, а потому что мог позволить.

Стоя в длинной очереди, Джеймс меланхолично смотрел на свое отражение в витрине магазине, и обратил внима-

ние, что стоявшая за ним женщина, пристально и навязчиво смотрела на него. Это заставило Джеймса обернуться и посмотреть на свою соседку по очереди - она мило улыбнулась ему, и молодому человеку ни чего не оставалось, как ответить тем же, хотя, говоря откровенно, улыбка Джеймса больше получилась гримасой. Женщина, брюнетка, была старше его, примерно сорока пяти, а то и пятидесяти лет; одета она была довольно прилично - яркое красное длинное платье в белый горошек, бежевые туфли, на низком каблучке, пара украшений дополняли образ - кулон на золотой цепочке, и похожая цепь на левой руке, которая скользила по верх странного шрама от ожога в виде подковы. Так же, женщина была ниже него самого, и имел лишний вес, и было в ней еще что-то отталкивающее, что-то, что шло изнутри. Но взгляд Джеймса пал на шрам женщины. От чего такой мог оставаться, даже не понятно - может это был след от раскаленной ручки чугунной сковороды? Джеймс вспомнил, что у матери был такой же шрам. Скорее, так оно и было - ведь если не аккуратно схватиться за ее край, то такой след вполне имел место быть.

Но такие странные мысли смутили его, и мысли были отогнаны, резким киванием головы в разные стороны.

- Молодой человек, - женщина очень мягко прикоснулась к локтю Джеймса - Вы уж простите меня за навязчивость...
- Я слушаю Вас - Джеймс невольно улыбнулся.
- Скажите, а Вашу мать звали, случаем, не Мойра?

- Мойра - удивление скрыть не удалось.

- Ах - женщина улыбнулась - значит, мои глаза меня не подвели! Джеймс, это же ты?

- Верно, а вы?.. - парень непонимающе кивнул головой, призывая женщину представиться.

- Я - Сара. Сара Вайсман, ты конечно не помнишь меня?

- Нет - тон Джеймса был немного виноватый, а люди в очереди стали слушать разговор не скрывая любопытства, ведь в таких маленьких городах, даже чей-то разговор в очереди - событие, которое можно обсуждать целую неделю.

- Я работала с твоей матерью в кафе "Цыплячий Рай", а перед самой ее смертью, я купила Ваш дом, и теперь живу в нем.

- А-а-а-а... - Джеймс залился краской, ему стало стыдно что он не узнал тетю Сару, которая часто угощала его нагетсами, когда он приходил к матери на работу - я Вас вспомнил! Как вы теперь поживаете?

- О, вполне, вполне... Неужели, ты теперь снова живешь в нашем городе?

- Я не давно вернулся - Джеймс смотрел в корзину, и пытался понять, что он забыл в нее положить, так как это разговор вызвал в нем неловкость, от которой хотелось избавиться немедленно. Может оставить корзину, и сказать что забыл деньги в машине? А потом и вовсе не вернуться? Нет... так же нельзя...

- Ох, - Сара запричитала - неужели на большой земле не

получилось устроиться?

- Почему же... - Джеймс хотел провалиться сквозь землю, лишь бы не вести эту беседу - Я поработал там какое-то время, но решил вернуться. Здесь же мой дом.

- Милый - Сара закачала головой, так как это делают, когда ребенок начинает заблуждаться - Но здесь не твой дом, а наш!..

Джеймс не смог скрыть удивления - посмотрев какое-то время на безмятежную улыбку Сары Вайсман, он обернулся, и был рад, что пришла его очередь. Оплатив товар, и закинув его в тележку, быстрым шагом он выскочил из магазина. Что это было? Что за бред он только что услышал? Как это не его дом? Еще как его! Именно здесь Джеймс вырос... Мысли побежали по голове галопом, едва открыв багажник своего седана, Джеймс был готов все бросить, и уехать прочь из этого города. Гори все огнем, думал он, к черту таких соседей и прочих доброжелателей! Все равно здесь он не имеет никого - ни друзей, ни подруг...

И история, продолжилась на парковке - машины Джеймса и Сара оказались рядом, стояли через одну - у нее был потрепанный пикап. Как не в чем не бывало, женщина улыбаясь подошла к нему, и заговорила с ним о чем-то совершенно невразумительном. Джеймс успел подумать о том, чего же он ждал, и почему не уехал сразу, как только закинул продукты в машину? И почему, словно замороженный, смотрел на то, как эта противная ему женщина прошла через всю парков-

ку и оказалась рядом с ним. И почему он ее слушает, после того, что она сказала ему? Но разве, она его чем-то обидела? Может она была не нормальной, и ему не стоило вообще контактировать с ней?

- ... так что ты думаешь об этом? - мысли Джеймса растворились, и в его руках оказался старый лист, похожий по плотности на альбомный. На нем с одной стороны был нарисован кувшин, натюрморт со фруктами, затушеванный одним лишь карандашом, а на обратной стороне была корявая надпись: "Не смей вылезать оттуда!" и по контуру этой надписи, шли руны, или что-то похожее на них, словно кельтские руны путались нарисовать в стиле арабского письма.

- Что я думаю? - Джеймс не слушал начало разговора, и не мог сложить дважды два.

- Да! - Сара возмутилась - это твой рисунок или нет?

- Ну... - Джеймс посмотрел на листок и пожал плечами - черт его знает, может и мой, но я не уверен, ведь такое все рисуют в школьные годы.

- Так твой или нет? - Сара требовала ответа так, будто Джеймс был виноват перед ней. - я нашла его в кувшине. Там, в вашем бывшем сарае этих кувшинов было целое море!

- Я думал мать их все разбила - Джеймс задумался о своем детстве, и картины проплывали перед его глазами, но картины были вовсе не радостными.

- Я закопала их под деревом, - Сара строго отчитала его - ладно, приедешь в понедельник, и выкопаешь их сам. Мне

нет разницы, где они будут - зарыты под землей, или будут пылиться у тебя в чулане.

- Но мне не ... - Джеймс не смог даже понять, как разговор повернулся в такое русло, и почему он теперь должен при-быть в дом этой сумасшедшей, которая не понятно сто хочет от него.

- В 12 дня ты должен быть у меня, - Сара осмотрела Джеймса с ног до головы, - и оденься по-приличней. Может это у вас там, на большой земле и принято так ходить, но у нас... никто не намерен терпеть твои выходки, Джеймс, учти это!

Опешив от происходящего, молодой человек не смог ни чего ответить, и лишь поражался тому, что теперь должен поехать в свой бывший дом, и откапывать какие-то кувшины, для спокойствия какой-то женщины. Надежды на спокойную жизнь таяли на глазах, и импульсивное желание уехать прочь и ни в чем не разбираться, казалось уже не таким уж и импульсивной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.